

ЦЕНТРАРХИВ

W 32
140

F 76
12465

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1927

32
140
Ц Е Н Т Р А Р Х И В

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

**ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА:
«14-е ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА»¹⁾.**

«14-е декабря 1825 года» принадлежит к числу лучших литературных произведений Плеханова. Сказанная с большим подъемом, ясно и просто построенная, удачно иллюстрированная яркими цитатами, стихотворениями и т. п., речь Плеханова навсегда останется одним из самых совершенных образчиков того, что было названо «революционной легендой декабристов», не уступая в этом отношении знаменитой брошюре Герцена.

К сожалению, она и дает немногим более герценовской брошюры. Сам Плеханов, по поводу своего выступления, недаром вспомнил немецкий термин *Festrede* (торжественная речь.)²⁾ Назначение таких речей — поднять настроение присутствующих. Этой цели она и достигает, достигает даже в чтении, где перед нами нет ораторского искусства Плеханова. Но анализ не входит в задачи «торжественных речей». И совершенное отсутствие классового анализа составляет первую из теневых сторон великолепной плехановской речи. Изобразив русское дворянство, как сплошную массу крепостников (т. е. сторонников барщинного хозяйства), Плеханов ставит себя, как марксиста, в совершенно безвыходное положение: откуда же в этой крепостнической массе взялись сторонники освобождения крестьян? И он не находит другого объяснения, кроме чисто идеалистического. «Но к чести нашей страны, в этой среде, мертвой для всякой живой мысли и для всякого благородного порыва, стали появляться под влиянием освободительного движения западно-европейского *tiers état* люди, понимавшие весь ужас тогдашнего положения России и готовые всеми силами служить делу освобождения».

¹⁾ Г. Плеханов. «14-е декабря 1825 года». С предисловием М. Покровского. Госиздат. 1926.

²⁾ Там же, стр. 9.

ния русского народа»¹⁾. И далее, в конце: «Я уже указал, что сословие, к которому принадлежали люди четырнадцатого декабря, было консервативно по самому положению своему. То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов»²⁾.

Почему эта часть дворянства «возвысилась над сословными и (не классовыми! М. П.) предрассудками и сословными интересами», об этом мы от Плеханова ничего не узнаем, если не считать приведенного выше объяснения: от «влияния освободительного движения западно-европейского tiers état». Но такое объяснение мог бы дать и В. И. Семевский. А раз став на дорожку психологизма, нетрудно было скатиться и до таких объяснений: «Нетрудно понять, как влияло это чувство (ожесточение) на образ мыслей тогдашних передовых людей: если любовь к императору вызывала в них сочувствие к мирным реформам сверху и ожидание таких реформ, то разочарование в императоре и ожесточение против него должны были вызывать и укреплять в них сочувствие и стремление к революционному способу действий. Люди, которые еще так недавно «любовались» Александром I и готовы были идти за ним на край света, веря в его благие намерения, теперь проклинали его, как «тирана», и стали поговаривать о цареубийстве»³⁾.

Что сказал бы о таких строках автор «Монистического взгляда на историю», попадись они ему в статье Михайловского (а там такие строки, теоретически рассуждая, отлично могли бы оказаться)? Но почему эти слова могли сорваться с языка самого Г. В. Плеханова? Первое соображение, которое приходит в голову, это — что у него не было достаточного материала под руками. Речь его построена, почти целиком, на «Записках декабристов», изданных в 60-х годах за границей, особенно же на «Записках Якушкина». Но как раз в последних и имеется такой перл для характеристики классового содержания «декабризма», как описание аграрных опытов Якушкина в его имении. Вся суть позднейшего «дворянского манчестерства», превращение крепостного крестьянина в батрака — в этих опытах уже налицо,

¹⁾ Плеханов, указ. соч., стр. 13.

²⁾ Там же, стр. 30.

³⁾ Там же, стр. 16.

а Плеханов мимо этого эпизода «записок» проходит совершенно молча ¹⁾).

Вполне очевидно, что Плеханов не не умел, а не хотел дать классового анализа. Почему не хотел, весьма красноречиво говорят заключительные строки брошюры, единственные строки, напоминающие, что автором был основоположник русского марксизма. «Беря за точку исхода непосредственные экономические интересы трудящейся массы и прежде всего ее наиболее передовой части — пролетариата, мы стараемся развить ее политическое самосознание и популяризировать в ней идею борьбы за политическую свободу». Накануне создания «Искры», в разгаре борьбы с экономизмом, надо было показать, что борьба с самодержавием есть главное дело, и не разоблачать прошлых бойцов в их классовой сущности. В 1900 году, когда, со времени декабристов, Россия не пережила еще ни одного открытого восстания против царизма, когда декабристы были почти единственным образчиком такого восстания, было бы, пожалуй, бестактностью подчеркнуть, что ими руководили эгоистические классовые интересы. Плехановская «торжественная речь» — не академическое, а чисто-политическое произведение. Винить за это Плеханова было бы величайшей наивностью, но не предупредить об этом читателя его брошюры было бы недобросовестностью. Теперь, когда «Россия» давно «вспрынула ото сна», когда мы имеем три массовые, истинно народные, революции, прихорашивать революционеров 1825 года у нас нет ни малейшего основания.

Перед нами, таким образом, образчик не столько марксистской литературы о декабристах, сколько той революционной традиции изложения их истории, которая ведет свое начало, как мы упоминали, от Герцена. Но герценовская традиция не только скрадывала классовую сущность движения (чего, кстати сказать, родоначальнику традиции не приходится и ставить в счет — он же был не марксист), — она идеализировала декабристов персонально, она делала из них героев борьбы народа за свое освобождение. Плеханов убежден, что декабристы «решили потибнуть для того, чтобы своей гибелью указать путь будущим поколениям», что они «считали, что их гибель даст благодетельный толчок развитию русской политической мысли» (!), что утверждение «донесения следственной комиссии» о раскаянии Рылеева есть «клевета» и т. д.

¹⁾ См. «Записки» И. Д. Якушкина, изд. 2-е, М. 1905 г., стр. 29 — 32 35 — 37 и 71.

Кое к чему Плеханов здесь вынужден был состоянием своих источников. Не имея на руках «Дела» декабристов, он не мог знать, что «военная манифестация» (что 14-е декабря было не «вооруженным восстанием» в точном смысле этого слова, а лишь вооруженной манифестацией — угадывание этого служит к чести Плеханова, свидетельствуя о большой исторической зоркости) преследовала отнюдь не те возвышенные цели, которые он ей приписывал. План Трубецкого тщательно избегал кровопролития на улицах Петербурга вовсе не потому, что северные декабристы не желали «увеличивать число жертв»: на очной ставке с Рылеевым Трубецкой должен был признаться, что захват Зимнего дворца входил в его план, а это пахло очень большим кровопролитием. Но одно дело — резня в стенах дворца, другое дело — открытый бой на улицах. План Трубецкого был планом государственного переворота, и этому перевороту всего больше могла помешать народная революция. Появление на улицах народной массы, то, что мы считали бы величайшим достижением революции, для декабристов было бы величайшей бедой — вот почему они оттягивали открытый бой до последней возможности и, как удостоверено рядом показаний, на площади сознательно мешали стрелять своим солдатам.

Надо прибавить, что такого решительного средства, как вооруженная борьба, пожалуй, и не нужно было для достижения той скромной цели, какую ставили себе северные декабристы. Они добивались освобождения крестьян, — но проекты эмансипации официально представлялись царю за немного лет перед этим, и над ними работал, по поручению Александра I, сам Аракчеев. Они добивались «собрания выборных от губерний по сословиям», — но новосильцевский проект конституции, Александром почти одобренный, давал не меньше. Все это было очень близко, и поперек дороги стояла только упрямая фельдфебельская фигура Николая Павловича. Эту фигуру решено было убрать во что бы то ни стало; для этого, конечно, нужно было оружие, но, так сказать, в индивидуальном порядке, кинжал или пистолет. Стрелять на улицах Петербурга из пушек для этого совсем не требовалось.

Иначе стояло дело для южан, но ими, к сожалению, Плеханов занимается очень мало. Тут у него шаг назад даже сравнительно с Герценом, который умел оценить значение Пестеля и «Южного общества». Что ни тот, ни другой не оценили «Соединенных Славян», которые дают смычку дворянской революции.

начала столетия с мелкобуржуазной революцией 60—70-х годов, это уже всецело вина состояния их источников — в 1900 годах еще и записок Горбачевского не было в печати. Как бы то ни было, героем декабрьской революции у Плеханова стал Рылеев. Но на Рылееве как раз видно, что крупнейший революционный литератор (Рылеев был им безо всякого спора) может оказаться никуда негодным революционным вождем. К сожалению, это совсем не клевета, что Рылеев «раскаялся». Свое большое показание (24 апреля ст. ст. 1826 г.) он заканчивает такими словами: «Засим покорнейше прошу высочайше учрежденный комитет не приписать того упорству моему или нераскаянию, что я всего здесь показанного не открыл прежде. Раскаявшись в своем преступлении и отрекшись от прежнего образа мыслей своих с самого начала, я тогда же показал все, что почитал необходимым для открытия обществ и для отвращения на юге предприятий, подобных происшествию 14-го декабря, и если что до сего скрывал, то скрывал, не столько щадя себя, сколько других»¹⁾.

Это показание дано было после пятимесячного заключения; можно предположить, что оно было вымучено у Рылеева пытками или полицейскими кознями. Но Рылеев, мы видим, ссылается здесь на показания, данные «с самого начала» — и, действительно, уже 14-го декабря в собственноручной записке Рылеев называет ряд имен, кончая записку словами: «открыв откровенно и решительно все, что мне известно, я прошу одной милости — пощадить молодых людей, вовлеченных в общество»²⁾. За себя Рылеев никогда не просил, — и это делает ему величайшую честь, конечно. Он предал заговор не из шкурных интересов, — он искренно разочаровался в нем, когда николаевская картечь разбила его литературные мечты. Это был ярко талантливый и глубоко несчастный человек, но отнюдь не герой и не вождь.

Читатель видит, сколько оговорок приходится теперь делать к брошюре Плеханова. Это никоим образом не исторический источник и не научное сочинение. И все же ее будут читать много поколений, как один из неуываемых памятников нашей революционной литературы.

¹⁾ «Дело» № 334, лл. 59 об.

²⁾ Там же, л. 2.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Из истории общественного движения в России начала XIX века	5
Декабристы (Легенда и действительность.)	32 ✓
Предисловие к брошюре Г. В. Плеханова: «14-е декабря 1825 года»	53
Предисловие к брошюре А. И. Герцена о декабристах	58
14-е декабря 1825 года	62
14/26 декабря 1825 года	69
Из статьи «Два вооруженных восстания» (1825—1905.)	76
Предисловие к XIII тому «Красного Архива»	84
Из предисловия к IV тому «Восстания декабристов»	89
